

Гу Лиюй протянул Ань Ланю закуску и спокойно сказал: «Съешь еще немного, а то вечером будешь голоден».

«Ох, ладно.»

Спокойная атмосфера создавала у Ань Ланя ощущение, что ничего существенного не произойдет.

После ужина Сюй Синжань отвез их домой.

Когда машина остановилась у дома Ань Ланя, Сюй Синжань сказал: «Ань Лань, собери вещи, которые тебе понадобятся на ближайшие несколько дней, и поезжай с Гу Лиюем».

Ань Лань был удивлен; голос Сюй Синжаня был тяжел, что указывало на его серьезность.

Сяо Чэнь, сидевший на пассажирском сиденье, тоже кивнул и сказал: «Да, поезжай с Гу Лиюем. Хотя я живу внизу и могу присматривать за тобой в любое время, мне также нужно присматривать за Сяо Ле... Если ты останешься с Гу Лиюем, это может избавить его от беспокойства о тебе, и ты будешь под его бдительным присмотром. Я думаю, это выигрыш для всех».

Ань Лань понял смысл слов Сяо Чэня. Гу Лиюй испытывал к нему собственнические чувства, особенно теперь, когда тень «Эдема» еще не полностью рассеялась. Если бы Ань Лань не был рядом с Гу Лиюем, Гу Лиюй не чувствовал бы себя достаточно уверенно.

Ань Лань поднялся наверх, случайно столкнувшись со своими родителями, смотрящими телевизор. Они гневно критиковали мелодраматический сюжет теледрамы.

«Папа, мама, родители моего одноклассника Гу Лиюя уехали на некоторое время. Я хочу поехать к нему на несколько дней. Не волнуйтесь, я буду хорошо учиться».

Раньше, когда родители Цяо Чуло были в командировках, Ань Лань тоже ходил, чтобы составить ему компанию. Его родители не находили в этом ничего неуместного. Более того, когда дети росли, они предпочитали проводить время со своими сверстниками. Родители просто напомнили ему звонить домой каждый вечер.

Ань Лань спустился вниз со своей сумкой. Сяо Чэнь открыл дверцу машины, и Сюй Синжань сказал: «А Чэнь, как насчет того, чтобы ты отвез Леле обратно в семью Сяо?»

У семьи Сяо были хорошие меры безопасности, и пока Сяо Чэнь говорил об этих вопросах Сяо Хунвэню, Сяо Чэнь и Сяо Ле были бы обеспечены профессиональными сотрудниками службы безопасности. Несмотря на недостатки Сяо Хунвэня в отношении Хань Ли или Су Суннин, теперь он ценил Сяо Чэня больше всего. Ради своей сестры Сяо Чэню не нужно было с ним

бороться.

«Я знаю. Сегодня вечером я соберу вещи с Леле и отвезу ее домой».

Сяо Чэнь поднялся наверх, а Сюй Синжань поехал в резиденцию семьи Гу.

«В прошлый раз мы были едины, давайте сделаем то же самое и в этот раз», — сказал Сюй Синжань.

Поднявшись наверх, Сяо Чэнь оперативно собрал одежду Сяо Ле и увел ее отсюда.

Хотя Сяо Ле не знала, почему ее брат вдруг захотел вернуться домой, она верила в каждое решение, принятое Сяо Чэнем.

По дороге домой Сяо Чэнь попросил Сяо Ле позвонить Сяо Хунвэню, назвав причину, которая показалась ему «весьма правдивой».

«Папа... В доме, где я живу, много тараканов... Я хочу вернуться...»

Услышав эту новость, Сяо Хунвэнь не мог скрыть своей радости: «Ладно! Ладно! Ты уже поужинала? Я приготовлю тебе ужин!»

Сяо Ле посмотрела на Сяо Чэня, и Сяо Чэнь кивнул.

Поскольку они возвращались, им нужно было открыть свои сердца. Даже если они не могли простить его, не было нужды делать их жизнь напряженной.

«Брат поел, а я почти ничего не ел на ужин», — сказал Сяо Ле.

«Это хорошо! Папа сегодня поужинает с тобой».

Повесив трубку, Сяо Ле почувствовал смешанные чувства: «Я никогда не думала, что смогу занять там такое место».

«Ты этому рада?» — с улыбкой спросил Сяо Чэнь.

«Не совсем», — вздохнул Сяо Ле, — «Просто чувствую, что он довольно жалок. Он был настроен на создание союза с семьей Хань, только чтобы узнать, что семья Хань прогнила до основания. Он думал, что Сяо Юнь был его самым выдающимся сыном, но Сяо Юнь не только болен, но и имеет темное сердце. На самом деле, ему не нужно так сильно ценить меня и тебя. Даже если он разведется с Хань Ли, у него будет еще несколько детей».

Сяо Чэнь рассмеялся: «Ты думаешь, что высококачественные альфы могут родиться просто потому, что ты этого хочешь? Родители Сяо Наня — высококачественная альфа и высококачественная омега, а Сяо Нань не получился высококачественным».

«Тогда это все еще благодаря генам нашей мамы. Иначе у меня не было бы высококачественного альфа-брата, на которого можно было бы положиться», — пошутила Сяо Ле.

«Леле, я считаю, что счастье и достижения человека не имеют ничего общего с тем, является ли он высококачественными альфой или омегой. Например, прошлогодний чемпион мира по стрельбе из пневматической винтовки на десять метров был бетой, и лучший ученик, который тебе тайно нравится, тоже является бетой», — серьезно сказал Сяо Чэнь.

«Я знаю... Как и брат Ань Лань, даже если он всего лишь бета, он все равно одолжил мне свой телефон в тот день».

«Да», — Сяо Чэнь протянул руку и погладил сестру по голове.

Они вернулись в дом Сяо. Как только они вошли, Сяо Хунвэнь лично поприветствовал их и забрал их багаж.

«Ах Чэнь... ты тоже оставайся дома». Сяо Хунвэнь посмотрел на Сяо Чэня почти умоляющим взглядом.

На самом деле, Сяо Чэнь понял. Помимо вины, Сяо Хунвэнь также знал, что у Сяо Чэня, Синжаня и Гу Лиюя были хорошие отношения. Он надеялся, что семья Сяо не будет вовлечена семьей Хань через отношения двух других семей.

«Ладно, Леле настояла на возвращении, так что я тоже... вернусь», — сказал Сяо Чэнь.

«Иди и поешь. Ужин готов. Распакуй багаж позже».

Сяо Хунвэнь тепло потянул Сяо Ле к обеденному столу. Боже мой, их было всего трое, но Сяо Хунвэнь приготовил почти десять блюд.

Сяо Ле многозначительно посмотрела на Сяо Чэня и беззвучно сказала: «Какой высокий уровень обслуживания».

Сяо Чэнь был почти удивлен ее поведением.

Пока они ужинали, Сяо Чэнь заметил, что телефон Сяо Хунвэня все время мигает, указывая на то, что ему кто-то звонит. Однако он не ответил, и Сяо Чэнь сразу же предположил, что это

был звонок либо от семьи Хань, либо от Сяо Юня.

«Ты должен ответить», — Сяо Чэнь поднял подбородок.

«Нет, нет. У меня наконец-то появился шанс поужинать с вами, ребята. Я разберусь с этим после ужина», — сказал Сяо Хунвэнь.

Сяо Чэнь улыбнулся: «Дай угадаю, это Сяо Юнь».

Сяо Хунвэнь на мгновение остолбенел, очевидно, Сяо Чэнь угадал правильно.

Сяо Чэнь продолжил: «Сяо Юнь изнеженный, он, вероятно, не хочет оставаться в больнице. Если бы не глупость и импульсивность этой матери и сына, сотрудничество между семьей Хань и Эдемом, возможно, не было бы раскрыто. Поэтому семья Хань на самом деле не хочет заботиться о Сяо Юне. Все активы Хань Ли заморожены, и Сяо Юнь не может ими воспользоваться. В этот момент Сяо Юнь может рассчитывать только на тебя, своего отца».

«Ах, Чэнь, я...»

Сяо Хунвэнь собирался что-то сказать, но Сяо Чэнь перебил его: «Ты хочешь сказать, что, несмотря на все ошибки, которые он совершил раньше, теперь он в отчаянии, и с его болезнью сердца лучше позволить ему вернуться и остаться. Верно?»

Сяо Хунвэнь не знал, как ответить, потому что Сяо Чэнь сказал именно то, что он хотел сказать только что. Но если бы Сяо Хунвэнь сказал это, это было бы полно сочувствия. Сяо Чэнь, с другой стороны, сказал это прямо, даже с намеком на сарказм.

«Я найду ему лучшую медсестру и найду для него лучший санаторий. Леле собирается сдавать вступительный экзамен в среднюю школу, а ты будешь сдавать вступительный экзамен в колледж. Тебе нужно сосредоточиться на учебе», — сказал Сяо Хунвэнь.

«Да», — кивнула Сяо Ле. «Теперь еда кажется немного лучше».

В этот момент раздался звонок в дверь. Сяо Хунвэнь недоумевал, кто мог прийти так поздно, и экономка сказала: «Господин, это Сяо Нань!»

«Зачем пришёл этот глупец Сяо Нань?» Сяо Ле с презрением посмотрела на него.

Экономка продолжила: «Он вернул молодого хозяина!»

«Чёрт...» Теперь настала очередь Сяо Чэня продемонстрировать презрительное выражение.

Как только Сяо Нань вошел, он начал упрекать Сяо Хунвэня: «Дядя! Ты с ума сошел? Как ты мог просто так оставить брата Юня в больнице? Он ведь все еще твой сын, верно?»

«Нет, нет, брату Юню нужно наблюдение в больнице в режиме реального времени из-за его здоровья. Если он приедет домой, в случае чего, даже если я немедленно отвезу его в больницу, это не будет вовремя!» Объяснение Сяо Хунвэня прозвучало разумно.

«Ты все еще не знаешь, как люди в больнице относятся к брату Юню после прочтения этих таблоидов! Эта больница не подойдет!...» Сяо Нань поднял глаза и увидел, что Сяо Чэнь смотрит на него с улыбкой.

Это было похоже на просмотр спектакля.

Лицо Сяо Наня внезапно покраснело. Он не мог не знать, что сделала Хань Ли. Его отец также много раз говорил ему, что в будущем, скорее всего, Сяо Чэнь унаследует семью Сяо. Он больше не должен был противостоять Сяо Чэню.

«Это... тебе лучше сменить больницу для брата Юня».

«Хорошо, я немедленно свяжусь с больницей для него. Уже очень поздно. Сначала отправь А Юня обратно в больницу. Его сердце действительно...»

Сяо Хунвэнь собирался что-то ещё сказать, но Сяо Юнь схватил его и дрожащим голосом сказал: «Папа, умоляю тебя, не оставляй меня там. Пожалуйста...»

Сяо Хунвэнь на самом деле чувствовал нежелание в своем сердце. В конце концов, Сяо Юнь был его сыном, о котором он заботился так много лет. Он повернулся к Сяо Чэню, думая, что ему придется много убеждать, но, к его удивлению, Сяо Чэнь сказал: «По крайней мере, он из семьи Сяо. Если кто-то и должен его дисциплинировать или запугивать, то это должны быть мы из семьи Сяо».

Сказав это, он опустил голову и продолжил есть вместе с Сяо Ле.

Сяо Хунвэнь быстро последовал за Сяо Нанем, чтобы отправить Сяо Юня обратно в его комнату.

«Посмотри на нашего уважаемого отца, такой предупредительный и эффективный, боится, что ты можешь изменить свое мнение». Сяо Ле пнула Сяо Чэня под столом: «Брат, ты мстительный. Ты находишь любого раздражителем через секунду. Как ты мог позволить Сяо Юню вернуться и остаться?»

Сяо Чэнь прижал голову сестры: «Зачем так много думать? Просто помни, не беспокойся о Сяо Юне. Если он упадет с лестницы, позови кого-нибудь другого на помощь. Если у него случится

сердечный приступ, позови кого-нибудь другого для оказания первой помощи. Не вмешивайся».

«Ты боишься, что он подстроит несчастный случай?» — спросил Сяо Ле.

Сяо Чэнь улыбнулся и не ответил ей. Вместо этого он отправил сообщение со своего телефона.

Сяо Чэнь: [Мой старший брат вернулся домой.]

Сюй Синжань: [Какое совпадение.]

Гу Лиюй: [Воспользуйся возможностью.]

Сюй Синжань: [Может быть, если ты задашь ему первый вопрос, у него случится сердечный приступ.]

Сяо Чэнь: [Не волнуйся, у меня есть быстродействующие сердечные таблетки и дефибриллятор.]

Сюй Синжань: [Ты умеешь пользоваться дефибриллятором?]

Сяо Чэнь ухмыльнулся и ответил: [Лиюй, что вы с Ань Ланем сейчас делаете?]

Гу Лиюй: [Он пошел в душ.]

Сяо Чэнь: [Что вы будете делать после душа?]

Гу Лиюй: [Спать.]

Сяо Чэнь: [Совершенно не креативно.]

Сюй Синжань: [Я тоже пойду спать. Не забудь открыть рот Сяо Юня.]

В этот момент в спальню вошел Ань Лань в пижаме и тапочках. Он увидел Гу Лиюя, сидящего на кровати и посылающего сообщения одной рукой.

«Закончил мыть посуду?» Гу Лиюй посмотрел на него.

Ань Лань кивнул: «Твоя мама только что спросила меня, хочу ли я выпить молока. Такое

чувство, что она относится ко мне, как к ребенку».

Гу Лиюй протянул руку, нежно притянул Ань Ланя к себе, положил телефон и обнял его за талию, слегка откинувшись назад и глядя на него снизу вверх.

«Она действительно хочет меня побаловать, но... я не тот ребенок, которого нужно баловать. Поэтому она переносит эти чувства на тебя. Баловать тебя, вероятно, то же самое, что баловать меня для нее», — сказал Гу Лиюй.

«Так это тот случай, когда мы любим дом и его ворона?» — с улыбкой спросил Ань Лань.

«Да». Рука Гу Лиюя нежно потянула подол пижамы Ань Ланя. «Только что я сказала Сяо Чэню, что мы закончили умываться и идем спать. Сяо Чэню это показалось не креативным».

Ань Лань посмотрела в глаза Гу Лиюю, в которых больше не было первоначального чувства отчуждения. Напротив, взгляд Гу Лиюя заставил Ань Ланя почувствовать, что их души связаны в глубине.

«Что считается креативным?» — спросил Ань Лань, тут же об этом пожалев.

По-видимому, слова Сяо Чэня были полны противоречивого смысла, и Гу Лиюй намеренно спровоцировал Ань Ланя, задав этот вопрос.

«Какой, по-твоему, должна быть любовь?» — спросил Гу Лиюй.

«Ничего особенного, просто вместе едим, смотрим фильмы, играем в игры. Это жизнь; что еще можно сделать?» — улыбнулся Ань Лань.

Снова то же самое предложение: у обоих были первые отношения, и ни у одного из них не было никакого опыта.

Хотя в некоторых аспектах Гу Лиюй давал людям ощущение опытности.

«Мы вместе ели, но не смотрели вместе фильмы и не играли вместе в игры», — сказал Гу Лиюй.

«Если мы собираемся играть в игры, нам следует пойти в интернет-кафе. Я отведу тебя туда. А что касается просмотра фильмов, у тебя есть любимые фильмы? Посмотрим их вместе?» — сказал Ань Лань.

«Есть один, у которого я многому научился».

«Не какой-нибудь образовательный документальный фильм, да? Совместный просмотр таких фильмов был бы очень полезен для засыпания».

Вероятно, не прошло бы и десяти минут, как он прислонился к Гу Лиюю и заснул.

Они не выключили свет. Было еще рано, и они вдвоем лежали под одеялом. Ноутбук был помещен на левую ногу Гу Лиюя и на правую ногу Ань Ланя. У каждого было по одному наушнику. Это было интимно и странно.

«Почему бы не воспроизвести через динамик?» — с любопытством спросил Ань Лань.

«Не хочу, чтобы моя мама услышала», — ответил Гу Лиюй.

Услышала что?

Ань Лань был любопытен.

Фильм назывался «Таинственная ночь». Может ли это быть фильмом-саспенсом?

Но у Ань Ланя вообще не сложилось впечатления о названии фильма.

В начале фильма показан вице-президент крупной модной группы, а также молодой наследник группы, Брюс, работающий сверхурочно за своим столом.

Это была большая модная компания, но в дизайнах того года не было ярких моментов, и их постоянно подавляли конкуренты. Брюс был обеспокоен этим.

В ту ночь Брюс работал до трех утра. На следующий день было Рождество, и все здание было пустым, все были заняты тем, что шли домой праздновать. Теоретически в офисе все еще был только Брюс.

Однако он услышал снаружи какое-то движение, словно кто-то пел.

Брюс тихо вышел из своего кабинета и вошел в открытую офисную зону, где работали сотрудники.

Перед огромными окнами от пола до потолка была городская ночная сцена. Все компьютеры были выключены, но была фигура, прислонившаяся к окну, силуэт молодого человека.

Он не знал, что Брюс был там. Вместо этого он медленно поднял одну ногу, изогнул свое тело в элегантные линии перед окном, и только тогда Брюс понял, что он исполняет балет.

Вероятно, он учился этому очень, очень давно, но теперь он стал непривычным. Тем не менее, этот непринужденный танец, среди игры света и тени за окном, источал волнующую душу красоту.

Брюс долго стоял, затаив дыхание, прежде чем понял, что молодой человек поет «Fly Me to the Moon». Когда он поднял левую руку на правое плечо и повернулся на пол-оборота, он выглядел так, словно в любой момент его охватит звездное небо за окном.

Но молодой человек заметил присутствие Брюса и, казалось, удивился, сделав шаг назад.

Брюс приблизился к нему, пытаясь успокоить его: «Не бойся. Твой танец сейчас был прекрасен. Как тебя зовут? Ты...»

Молодой человек, словно ребенок, застигнутый за чем-то нехорошим, поспешно ушел.

Брюс включил свет, осветив всю открытую зону офиса, но никого не было видно.

На следующий день Брюс сделал все возможное, чтобы выяснить, кто этот человек, потому что он стал его музой.

Увидев это, Ань Лань не мог не сказать: «Это немного похоже на Золушку. Принц не знает, кто такая Золушка, поэтому он должен позволить всем девушкам в стране примерить хрустальную туфельку по одной?»

Рука Гу Лиюя обхватила голову Ань Ланя, нежно надавливая на его лицо и прижимая его ближе к своему плечу.

«Брюсу хуже, чем принцу. У принца хотя бы есть хрустальная туфля, но Брюс видел только силуэт другого человека», — ответил Гу Лиюй.

Ань Лань не мог не рассмеяться, подняв лицо, чтобы посмотреть на Гу Лиюя: «Итак, неужели кто-то действительно может влюбиться в другого человека только из-за силуэта его тени?»

Гу Лиюй опустил глаза и слегка поцеловал Ань Ланя в лоб: «Конечно. Я заметил, как ты стреляешь, в первый раз и запомнил это».

«Моя стрельба?» — спросил Ань Лань.

«Да. В финале того соревнования ты снялся из-за травмы запястья, и я был очень разочарован», — Гу Лиюй поцеловал Ань Ланя в нос.

Ань Лань улыбнулся, поднимая руку Гу Лиюя. На его ладони все еще были шрамы: «Значит, когда ты настоял на участии в финале сразу после того, как пришёл в себя, это было не только для того, чтобы соревноваться со старостой класса. Это было также потому, что ты думал, что я буду участвовать в финале?»»

<http://bllate.org/book/14559/1289847>